

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.9>

Семенова Елена Викторовна

[Лесоохранительная деятельность администрации Воронежской губернии в середине XIX века](#)

Статья посвящена истории развития государственной лесной политики России середины XIX в. На примере деятельности администрации Воронежской губернии и на основе архивных данных анализируются лесоохранительная деятельность Воронежской палаты государственных имуществ, её основные направления, сословная специфика и эффективность. Основное внимание уделяется борьбе государства с незаконной вырубкой леса, и в этой связи рассматривается социальная политика государства в отношении представителей различных сословий, а также лесной стражи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/5/9.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 51-56. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/5/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. **Китанина Т. М.** Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С. Ю. Витте (к оценке Челябинского тарифа) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период: сб. статей. Л.: Наука, 1972. С. 191-210.
10. **Ламанский Е.** Откуда взять капиталы для постройки железных дорог в России? СПб.: Русский инвалид, 1865. 18 с.
11. **Лебедев А. В.** История становления и развития железнодорожных путей сообщений России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Северной железной дороги): автореф. дисс. ... к. ист. н. Архангельск, 2010. 22 с.
12. **Николаева Т. В.** Петербургские предприниматели в строительстве железных дорог России во второй половине XIX века: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2007. 24 с.
13. **Павлова О. К.** Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. 407 с.
14. **Петров Ю. И.** Зарождение железнодорожного дела в России в правление Николая I // Транспортное право и безопасность. 2018. № 1 (25). С. 107-114.
15. **Петров Ю. И.** Правительственная политика в области железнодорожного строительства в России в пореформенный период // Транспортное право и безопасность. 2016. № 4 (4). С. 107-118.
16. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 219. Оп. 2.
17. **РГИА.** Ф. 591. Оп. 1.
18. **Устав общества Олонецкой железной дороги.** СПб., 1913. 74 с.

The Russian North Economic Development on the Basis of Railway Construction and State-Private Financing in the Second Half of the XIX – at the Beginning of the XX Century

Pavlova Ol'ga Konstantinovna, Doctor in History, Associate Professor
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
pavlovaok55@mail.ru

The Russian North economic development in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century is closely associated with railway construction. The study focuses on railway construction history in the Russian North. The subject of the research is the Russian government policy in the periods within this chronological framework. Relevant aspects of the government policy under the conditions of state-private financing of railway construction are examined on the basis of the comprehensive approach. Importance of railways for developing trade and economic relations of the Russian North with other regions of the country is revealed.

Key words and phrases: history; Russia; northern provinces; state; policy; economy; railways; private business.

УДК 908

Дата поступления рукописи: 14.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.9>

Статья посвящена истории развития государственной лесной политики России середины XIX в. На примере деятельности администрации Воронежской губернии и на основе архивных данных анализируются лесоохранительная деятельность Воронежской палаты государственных имуществ, её основные направления, сословная специфика и эффективность. Основное внимание уделяется борьбе государства с незаконной вырубкой леса, и в этой связи рассматривается социальная политика государства в отношении представителей различных сословий, а также лесной стражи.

Ключевые слова и фразы: государственная лесная политика; охрана лесов; лесные ресурсы; лесная стража; незаконные порубки.

Семенова Елена Викторовна

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова
Elenaviktor2014@yandex.ru

Лесоохранительная деятельность администрации Воронежской губернии в середине XIX века

Данная статья посвящена истории развития государственной лесной политики в середине XIX в. На примере Воронежской губернии исследуются механизм административного управления отраслью, сословная специфика и нюансы социальной политики государства в этой стратегического значения отрасли народного хозяйства.

В целом можно отметить, что лесная политика Российской империи вызывала исследовательский интерес уже с начала XIX в., хотя тогда это интересовало преимущественно ученых-лесоводов. Только в конце XX – начале XXI в. интерес к теме развития лесного хозяйства возник и у историков. Появляются диссертационные исследования по истории лесного хозяйства отдельных регионов России – Марийского края [7], Коми [9], Алтайского

края [2], Мордовии [8]. Эти труды не дают обобщающей картины развития лесного дела в России, зато детально раскрывают особенности развития лесного хозяйства регионов. Наиболее полную картину истории развития лесного хозяйства, а также лесного образования России представляют исследования воронежского историка А. И. Рыбалкина. Его монографии «Очерки истории лесного образования в России (XIX – начало XX в.)» [6], «История лесного дела в России (XII – начало XX в.)» [5] содержат по-настоящему исторический анализ становления и развития системы управления лесным хозяйством страны и системы охраны лесов, лесных образовательных учреждений, общественных организаций, отраслевых периодических изданий. Другим признанным специалистом в области истории лесного хозяйства России является Г. И. Редько. Ему принадлежат исследования обобщающего характера [3] и изучение отдельных аспектов истории лесного дела [4].

Однако изучением конкретно истории лесного хозяйства Воронежской губернии никто не занимался. **Цель** данной статьи – восполнить этот пробел и на основе архивных данных представить анализ лесоохранительной деятельности в Воронежской губернии середины XIX в. **Научная новизна** исследования состоит в изучении отдельного аспекта истории развития лесного хозяйства именно Воронежской губернии, которая в XVIII-XIX веках была стратегически значимым регионом по добыче и производству важнейшего сырья – древесины. **Актуальность** исследования состоит в том, что в нем рассматривается лесоохранительная деятельность администрации Воронежской губернии в XIX в., что можно считать проявлением экологической деятельности. Также исследование будет способствовать не только пониманию государственной политики по развитию стратегической отрасли народного хозяйства, но и уяснению специфики социальных и экономических отношений в период стремительного буржуазного развития второй половины XIX в.

Основными источниками для данной статьи послужили документальные ресурсы Государственного архива Воронежской области, которые содержат огромное количество документов по истории лесного дела Воронежской губернии, большинство из которых ранее не изучались и не были опубликованы. Например, фонд И-24 (объединенный), который состоит из 4 016 единиц хранения, связанных с деятельностью Воронежского губернского управления земледелия и государственными имуществами. При исследовании архивных источников нами использовались традиционные методы исторической науки, такие как сравнительный, описательный, статистический, аналитический, что и позволило на основе частных сведений находить общие исторические закономерности.

В XIX в. Россия обладала самыми богатыми лесными ресурсами в мире. При этом и потребность в использовании этого ресурса была выше, чем где-либо, т.к. помимо общих с другими европейскими державами нужд (кораблестроение, строительство домов и хозяйственных помещений, производство поташа, древесного угля), суровый климат России закладывал необходимость потребления огромного количества древесины для отопления. Причем в течение XIX в. эти потребности не уменьшались, а наоборот, все время возрастали. Государство понимало, что лесные богатства нужно охранять, рационально использовать и по возможности обеспечить их воспроизводство. В результате на рубеже XVIII-XIX вв. формируется лесное хозяйство как отрасль производства и как направление государственной политики.

Начало этим процессам положил Петр I в «Вальдмейстерской инструкции» – первом государственном акте об организации лесного хозяйства (1724 г.). В 1798 г. по указу императора Павла I был образован Лесной департамент – центральный орган лесного управления, существовавший до 1917 г. Он подчинялся последовательно Адмиралтейству-коллегии, Министерству финансов, Министерству государственных имуществ.

Министерство государственных имуществ (МГИ), а в губерниях – палаты государственных имуществ были образованы в целях решения вопроса об устройстве быта государственных крестьян и упорядочения использования государственных земель 26 декабря 1837 г. Этому ведомству принадлежало 90 млн десятин земли с 17,6 млн крестьян и 119 млн десятин казенных лесов. Соответственно, формируется и система местного управления лесами. 30 апреля 1838 г. было принято «Учреждение об управлении государственными имуществами в губерниях», на основании которого 1 января 1839 г. была открыта Воронежская палата государственных имуществ (ВПГИ). Она возглавлялась управляющим, состояла из общего присутствия, хозяйственного и лесного отделений. Лесное отделение временно взяло на себя функции Лесного департамента. Лесным отделением руководил губернский лесничий, в помощь ему назначались ученый лесничий и лесной ревизор, непосредственно ему подчинялись окружные лесничие. Составление проекта о корпусе лесничих началось уже после создания МГИ и было поручено 5-му отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Это ведомство и предложило военное построение лесной стражи, что было в духе правления Николая I, который больше доверял армейской дисциплине и военизированным структурам. Учитывая стратегическое значение лесных ресурсов для кораблестроения, это решение можно считать вполне логичным и характерным способом решения административных проблем николаевского правления.

Совет МГИ, рассмотрев записку 5-го отделения, поддержал эту идею, мотивируя тем, что почти все российские леса не разграничены ни с крестьянами, ни с помещиками, а пользование лесными ресурсами происходит непрерывно. При этом лесной стражи фактически нет. Согласно «Положению о корпусе лесничих» от 30 января 1839 г. все члены лесного ведомства переводились в военный разряд. Штатное расписание по лесному управлению Воронежской губернии было следующим: губернский лесничий (в чине подполковника) – 1; лесные ревизоры (штабс-капитаны) – 2; лесничие (по два поручика и подпоручика) – 4; подлесничие (по два поручика и подпоручика и четыре прапорщика) – 8 [1, д. 8, л. 1]. Однако на практике не всегда чины и должности совпадали. Так, по отчету о деятельности ВПГИ за 1842 г. состав лесного отделения был следующим: губернский лесничий – подполковник (Карл Клавер); лесные ревизоры – капитан и штабс-капитан;

лесничие: в Воронежском округе – штабс-капитан, в Задонском – майор, в Коротояжском и Новохоперском – поручики; подлесничие: в Нижнедевицком и Бирючинском округах – поручики, в Бобровском – капрал, в Павловском – ротмистр, в Острогожском и Валуйском округах – прапорщики, в Богучарском – губернский секретарь [Там же, д. 127, л. 75].

Все леса губернии находились под наблюдением окружных лесных чиновников, в состав которых входили, во-первых, объездчики и лесные сторожа, которые представляли собой постоянную лесную стражу, состоящую из казенных крестьян и отставных военных нижних чинов, получавших за службу жалование. Во-вторых, временные военно-лесные старосты (пожарные старосты) и полесовщики, которые выбирались из местных государственных крестьян, а их служба приравнивалась к государственной повинности, соответственно, жалования они не получали и при исполнении служебных обязанностей очень часто зависели от воли и интересов делегировавших их односельчан. Главной обязанностью старост были предотвращение пожаров и поиск виновных, если пожар все же случился.

Согласно положению «О постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов» от 1832 г. к ней добавлялась семейная лесная стража, состоявшая из пеших стрелков (глава семейства), помощников стрелка и запасных стрелков (неспособные и малолетки), которые должны были постепенно сменить полесовщиков и пожарных старост. Семейная стража должна была формироваться уже на постоянной основе, получать жалование, а главами семейств лесной стражи, как правило, были отставные военные. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. в Воронежской губернии активно шел процесс обустройства семейств постоянной лесной стражи, для чего они и переселялись на постоянное место жительства. Лесники получали землю на территории охраняемого ими леса, а также лесоматериалы на постройку домов и подсобных помещений. По мнению местных лесных чиновников, преимущество семейной стражи перед полесовщиками состояло в том, что последние всегда покрывали крестьян, виновных в незаконных порубках, т.к. всецело зависели от избравшего их общества.

Функции лесного отделения были разнообразны. К наиболее важным относились: размежевание лесов, выделение корабельных рощ, организация заповедных лесов, расчистка лесов под пашни и сенокосы, разведение и отпуск леса и др. Но главными задачами были «устройство и сохранение лесов» [Там же, д. 70, л. 33]. Основные предпринимаемые в этом направлении меры, согласно отчетам, состояли в следующем:

1. Обустройство постоянной лесной стражи.
2. Лесоохранение, понимаемое как совокупность всех хозяйственных мер по предупреждению вреда, наносимого лесу, и, в первую очередь, «запрещение самовольных порубок и других лесостреблений» [Там же, л. 34].
3. «Лесоотведение», т.е. санкционированное хозяйственное использование государственных лесных ресурсов на общественные нужды (отопление, строевой лес и пр.).
4. Межевание лесов или комплекс инженерных работ по установлению границ и измерению площадей лесных угодий, «приведение в известность проложенных через леса дорог, мостов, протекающих судоходных и сплавных рек» [Там же, л. 33].
5. Улучшение состояния лесов очищением от валежника, введением оборота рубки, посадки черенками, проведение опытов посева древесных семян и пр.
6. Контроль доходов от продажи леса и от оброчных статей лесного ведомства [Там же, л. 33-35].

Охранная деятельность лесного отделения ВГПИ детально отражена в протоколах его заседаний за 1840-е гг. Безусловно, главным вопросом были дела о незаконных порубках деревьев в казенных лесах. В годовых отчетах всегда подробно конкретизировалось число порубок, меры противодействия им, количество взысканий и рассмотренных дел. Что же касается протоколов заседаний, то около 70% их посвящено именно делам о незаконных порубках.

Первой инстанцией в таких делах были уездные суды, которые либо сами представляли на рассмотрение общественного присутствия ВГПИ копию своего решения для «изъявления согласия», либо это делал соответствующий окружной начальник. В случае несогласия с решением окружного суда дело препровождалось в Уголовную палату, а затем вновь на утверждение в ВГПИ. Если же палата государственных имуществ не соглашалась и с решением Уголовной палаты, дело передавали в Правительствующий Сенат.

Многочисленные судебные дела и обширная по ним переписка позволяют вывести ряд общих положений и проанализировать их. Так, согласно «Протоколам заседаний лесного отделения за январь-апрель 1840 г.», за самовольную порубку в казенном лесу в первый раз с виновных, если они сознались или вина их была доказана, взыскивались «против исчисленных лесными чиновниками попенные одни и вдвое штрафные» [Там же, д. 3, л. 44-45]. То есть лесные чиновники (полесовщики и подлесничие) вычисляли сумму нанесенного ущерба согласно положениям Лесного устава, учитывая при этом породу срубленных деревьев, их размер и качество. Эта сумма и являлась попенной платой. К данной сумме добавлялись еще две такие же суммы, таким образом, ущерб компенсировался втрое.

Другую категорию лесов составляли леса казенных крестьян и чресполосные, т.е. принадлежащие частями разным владельцам, как правило, казенным крестьянам и помещикам. При порубке в таких лесах попенные и вдвое штрафные полагалось платить, если лес был срублен для продажи, а если «для домашних надобностей», взыскивались «одни штрафные вдвое против попенных» (т.е. одна сумма) [Там же, д. 53, л. 102]. За порубку во второй раз взыскивали попенные и вчетверо штрафные. За порубку в третий и четвертый раз полагалось наказание как за воровство и кражу, но такие случаи были весьма редки.

Например, в 1840 г. государственных крестьян с. Козловки Бобровского уезда за порубку в третий раз приговорили «взыскать попенные и вчетверо штрафные с отсылкою в заработный дом» [Там же, л. 244],

а государственного крестьянина Ивана Алпеева за порубку дубовых деревьев в четвертый раз присудили «к наказанию плетью, к отдаче в солдаты, а по неспособности к ссылке в Сибирь на поселение» [Там же, л. 103]. Переписка дела, к счастью, свидетельствует, что он на самом деле совершил порубку в первый раз и отделался только штрафом.

Однако на практике не все дела рассматривались в буквальном соответствии с предписаниями и инструкциями, и строгость правосудия часто зависела от социального положения правонарушителей. Содержание дел позволяет выяснить социальный состав порубщиков. Несомненно, абсолютное большинство порубок (около 80%) совершали государственные крестьяне, далее по объему рубок следовали помещики или помещичьи крестьяне, и особыми порубщиками были купцы.

Симптоматично, что наиболее строго чиновники и суды относились к преступлениям государственных крестьян. Окружные суды иногда проявляли некоторую мягкость, но ВПГИ не утверждала подобные решения. Например, Задонский суд предложил за порубку в третий раз крестьянами с. Гнилуши взыскать только попенные и вчетверо штрафные, т.к. при наказании по полной «подлежало бы уничтожить целое селение, к тому же из дела не видно, чтобы на необходимое домашнее продовольствие были отводимы лесные участки» [Там же, л. 87]. Но палата была неумолима и настаивала на максимальном наказании. Также палата бдительно следила за тем, чтобы строго соблюдалась формула «попенные плюс вдвое штрафные», и высказывала протест, если окружной суд иногда присуждал одни только попенные или только штрафные. Примечательно, что последнее слово оставалось всё же за палатой госимущества.

В ходе следственных мероприятий крестьянские хозяйства нередко подвергались обыскам с целью выявления у них незаконно срубленных дров. Так, чиновник особых поручений донес в ВПГИ, что в ходе обревизования им с. Подгорное Воронежского уезда в домах крестьян найдено много дров, хвороста и лыка. По распоряжению палаты в село был откомандирован член земского суда [Там же, л. 247]. Затем было произведено следствие, в ходе которого лесные чиновники нашли в лесу соответствующую порубку, которую затем проверил становой пристав с окружным лесничим. В данном случае крестьянам полагался обычный штраф – попенные плюс вдвое штрафные. Такое же наказание ожидало крестьян и за порубку сверх ответственной годовой нормы в их собственном лесу.

Такие взыскания налагались на всё общество, «не исключая и полесовщиков», а величина их была подчас весьма обременительна: 342 руб. с казённых крестьян Задонского округа [Там же, д. 147, л. 157], 280 рублей с жителей с. Макашевки Новохоперского уезда [Там же, д. 53, л. 225, 169]. Для сравнения: в середине XIX в. один кг говядины стоил 40 коп., а один пуд ржаной муки – 2 руб. 20 коп.

Вообще же суммы штрафных платежей были весьма различны и всегда придирчиво перепроверялись палатой. Ущерб за разнородный лес исчислялся по вырубленным площадям в десятинах и сажнях, за найденный в домах – в кубических сажнях. Ценные породы, особенно дубы, считались поштучно с учетом размеров каждого бревна: дуб 3 сажени длины и 4 вершков ширины считался строевым, и штраф составлял 1 руб. 70 коп., 3 сажени на 6 вершков – по 2 руб. 72 коп., 3 сажени на 7 вершков – уже по 3 руб. 56 коп. [Там же, л. 144]. В результате получались такие суммы: за самовольную порубку в казачьей писцовой даче 1/2 сажени хвороста – 90 коп. (1845 г.), в чресполосной даче ¼ сажени ольховых дров – 1 руб. серебром [Там же, л. 250], за порубку жителями с. Турова (Нижедевицкий у.) в отведенном им участке в неположенное время 30 осинового дерева, 500 дубовых кольев, 20 сажней дубовых дров – уездный суд присудил одни попенные 67 руб. серебром, а палата пересчитала 1704 руб. [Там же, д. 147, л. 250], за порубку 522 дубовых и 521 осинового деревьев – 2080 руб. серебром [Там же, л. 200].

Возникает вполне закономерный вопрос: каким образом можно было взыскать столь крупные суммы с крестьян? Существовало несколько способов. Наиболее распространенным было взыскание, наложенное на одного или нескольких крестьян, которое затем при несостоятельности должников расписывалось на всё общество. Иногда такое решение, принимая во внимание бедность ответчика или слабость его здоровья, выносилось сразу окружным судом [Там же, д. 225, л. 238], иногда из-за его несостоятельности по истечении какого-либо срока [Там же, д. 53, л. 170]. Непосредственно распределением штрафа по жителям селений занимались окружные начальники. Также по ходатайству губернатора в Лесной департамент МГИ разрешалась выплата штрафа в рассрочку. Рассрочка давалась на 4, 8, 10 лет. При этом назначался год первой выплаты (текущий год), и затем платить следовало по равной части в положенные для взноса податей сроки. Например, восьми крестьянам Павловского у. 438 руб. расписали на 10 лет [Там же, д. 225, д. 86], одному крестьянину 169 руб. 60 коп. – на 4 года [Там же, л. 33], крестьянам д. Лапиной 1828 руб. серебром – на 10 лет [Там же, л. 52]. Контроль за сбором платежей возлагался на местного лесничего.

Следующей мерой исполнения судебного предписания была конфискация имущества должников. Его, как правило, не хватало, и эта мера применялась очень избирательно. К примеру, у государственного крестьянина Матвея Рубанова была описана мельница, оцененная в 49 руб., и пара быков – в 19 руб., что всё равно не покрыло его долга [Там же, л. 143]; у крестьян целого селения Елецкая Лазовка Задонского уезда (133 человека) было описано имущество на 123 руб.; при этом у 72 человек этого селения вообще не нашлось никакого имущества [Там же, л. 86]. Предлагалось даже такое средство, как принудительные отлучки на заработки. Наконец, последней мерой было списание долгов в недоимки, после чего деньги должны были поступать вместе с прочими податями, но именно эти суммы перечислялись на счёт лесного ведомства, а местному лесничему или подлесничему «вменялось в обязанность за поступлением сих денег иметь со своей стороны неослабное настояние» [Там же, л. 90].

Значительно более лояльно и снисходительно суд относился к порубкам, совершенным помещиками или крепостными крестьянами. Формально, по букве закона, общие правила были те же – с помещиков, а точнее с их крестьян, взыскивали попенные плюс вдвое штрафные [Там же, д. 53, л. 68] и даже вчетверо штрафные за повторную порубку [Там же, л. 105]. Но на практике карательные судебные решения принимались очень редко. К примеру, свидетельства очевидцев и драка в чреполосной лесной даче между казенными крестьянами слободы Подольской (Задонский у.) и крестьянами помещика Н. Гарденина из-за порубки последними не были признаны достаточным доказательством этой самой порубки [Там же, д. 147, л. 110]. Также и вина крестьян валуйского помещика Чертова в массовой вырубке леса в Костенской крестьянской даче была признана недоказанной, хотя их и «оставили в сильном подозрении», но деньги взыскали с полесовщиков [Там же, л. 190]. За совместную порубку, учиненную в том же уезде государственными крестьянами и крестьянами помещицы Прибытковой, казенных крестьян, виновных во второй раз, оштрафовали на 2969 руб. серебром, а помещицу – всего на 3 руб.

Когда дело касалось помещиков, резко возрастало количество претензий к проведению следствия или к самому судебному разбирательству [Там же, д. 225, л. 53]. Доходило даже до того, что вместо помещиков штрафовали самих членов земского суда «за беспорядки, допущенные при следствии о самовольных порубках» [Там же, л. 16]. Таким образом, и суды, и сама палата госимуществ проявляли гораздо меньше принципиальности в вопросах наказания за незаконные порубки, когда в них были виновны помещики и помещицы крестьяне. И данный факт можно объяснить двояко. Во-первых, вероятным мздоимством судебных служащих, что в большом количестве отражено как в классической литературе, так и в известных судебных процессах того времени. И во-вторых, особенностями сословной политики самодержавия, которая практически не позволяла и не имела механизмов взыскания средств с дворян.

Особый вид порубщиков составляли купцы. Очевидно, что об употреблении леса для домашних и хозяйственных нужд в данном случае не могло быть и речи, однако купцы заготавливали и продавали его в огромных промышленных масштабах. Большинство судебных дел было связано с реальной или вымышленной потерей купцами разрешительного билета на вырубку. Так, купец И. Г. Русинов, заплатив 20 руб., получил билет на вырубку смешанного леса в казенном лесу, но билет потерял, работы приостановил, вследствие чего нёс убытки и просил то количество, которое было разрешено по потерянному билету, вырубить в другом лесу. Несмотря на абсурдность аргументов, новое разрешение ему было предоставлено [Там же, д. 53, л. 34]. У купца Башкирцева были арестованы барки, гружённые лесом, т.к. клейма на них не соответствовали билету на порубку, выдаваемому лесными чиновниками в качестве разрешительного документа. За это купец заплатил штраф 284 руб. 34 коп., но при этом получил конфискованную древесину обратно [Там же, д. 225, л. 165]. Симптоматичным является то, что в случае совершения купеческими работниками простой незаконной порубки на него налагался обычный штраф, т.е. попенные и вдвое штрафные, однако дрова при этом после уплаты штрафа возвращались купцу.

Характерной особенностью времени и государственной политики середины XIX в. в отношении лесной стражи и полесовщиков является их материальная ответственность за причиненный ущерб. В том случае, если происходили лесные рубки, а виновные не были установлены, штраф взимался с лесных надзирателей за «слабое смотрение». Причём определялась обширная градация ответственности и формы «нерадения» лесничего.

Так, если дерево было «порублено неизвестно кем», то с полесовщиков взимались одни только попенные. В случае материальной несостоятельности полесовщиков, исковая сумма распределялась на всё общество, избравшее их в лесную стражу [Там же, д. 53, л. 68]. Иногда в делах встречаются случаи, когда при вменённой ответственности за порубку на всё крестьянское общество штрафная сумма распределяется не только на все хозяйства этой крестьянской общины, но «не исключая из сего и лесную стражу» [Там же, д. 225, л. 5].

Отдельное наказание полесовщиков следовало за недонесение о преступлении. Следователи зачастую подозревали полесовщиков в сговоре с крестьянами-порубщиками, и в таком случае к штрафу добавлялись физические наказания. Общим правилом в таких делах было «выдержать при волостном правлении на хлебе и воде» от 1 до 6 недель [Там же, д. 53, л. 68, д. 225, л. 180]. Иногда применялось и наказание розгами. Так, за порубку государственными крестьянами Коротоякского уезда в казенной даче 399 дубовых деревьев самим крестьянам присудили штраф 1424 руб., а полесовщиков, не донёсших об этом, наказали розгами каждого по 10 ударов [Там же, д. 225, л. 5].

Ответственность полесовщики несли и за лесные пожары. В таком случае и при отсутствии виновных в поджоге уездный суд, как правило, принимал решение, что «судить некого». Однако ВГПИ, считая, что «охранение леса от пожаров... принадлежит к обязанности лесной стражи, полесовщиков и в особенности пожарных старост, следовательно, за причинённый казне убыток взыскание должно отнести на полесовщиков и пожарных старост», возвращал дело для нового рассмотрения [Там же, д. 53, л. 143, д. 147, л. 211]. Аналогичная ответственность, т.е. наказание полесовщиков, была и в том случае, если обвиняемыми являлись крестьяне, но вина их не была доказана. К примеру, когда в 1843 г. обвиняемые в порубке казённой рощи крестьяне валуйской помещицы Кондратьевой наотрез отказались признать вину, а убедительных доказательств полесовщики представить не смогли, окружной суд принял решение наложить штраф в 843 руб. на лесную стражу [Там же, д. 147, л. 250].

Таким образом, можно констатировать, что к середине XIX в. в России сложилась довольно чёткая система управления лесным хозяйством. Государство, руководствуясь стратегическим значением лесных

ресурсов (флот, топливо, строительный материал), уделяло особое внимание охране и защите лесов. Однако в силу разнообразных обстоятельств эффективность этой системы была невысока. Лес оставался важнейшим ресурсом в жизни крестьян, и удержать их от незаконных порубок с помощью штрафов было весьма затруднительно. Лесная стража в значительной степени зависела от своих односельчан и покрывала их, несмотря на то, что штрафы в этом случае взимались с неё самой. При этом большая часть штрафных платежей за незаконные порубки и пожары списывалась в недоимки и поступала в казну мизерными частями.

Список источников

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-24 (объединенный). Оп. 1.
2. Карпенко Е. А. История лесного хозяйства Алтайского (горного) округа в 1830 – начале 1917 г.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Барнаул, 2013. 24 с.
3. Редько Г. И. История лесного хозяйства России. М.: Московский государственный университет леса, 2003. 457 с.
4. Редько Г. И., Швапах В. П. Петр I об охране природы и использовании природных ресурсов. К.: Либидь, 1993. 503 с.
5. Рыбалкин А. И. История лесного дела в России (XII – начало XX в.). М.: Союз, 2004. 520 с.
6. Рыбалкин А. И. Очерки истории лесного образования в России (XIX – начало XX в.). Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет, 2005. 146 с.
7. Филонов А. А. Лесное хозяйство Марийского края во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Чебоксары, 2013. 23 с.
8. Юткин В. П. Лесное хозяйство Алатырского удельного округа во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Саранск, 2007. 23 с.
9. Юшкова Н. А. Лесное хозяйство в Коми во второй половине XIX – первой половине XX века: автореф. дисс. ... к. ист. н. Сыктывкар, 2001. 14 с.

**Forest Protection Activity of Voronezh Provincial Administration
in the Middle of the XIX Century**

Semenova Elena Viktorovna

*Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
Elenaviktor2014@yandex.ru*

The article considers development of Russia's forest policy in the middle of the XIX century. Relying on activity of Voronezh provincial administration and archival data, the author analyzes forest protection activity of Voronezh Chamber of State Property, identifies its basic trends, estate specificity and efficiency. Special attention is paid to the problem of the state's struggle with illegal forest felling. In this connection, the researcher examines the state social policy towards social classes representatives and towards forestry officers.

Key words and phrases: state forest policy; forest protection; forest resources; forestry officers; illegal forest felling.